

Юлия
Мамочева

Вир
ша
ла
ИМ

Геликон
Плюс

Юлия Андреевна Мамочева

Виршалаим

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8687222
Виршалаим: «Геликон Плюс»; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-93682-953-6

Аннотация

Пятый сборник поэта и переводчика, члена Союза писателей России, лауреата Бунинской премии Юлии Мамочевой, в который вошли стихотворения, написанные с сентября 2013 года по апрель 2014-го. Книга издана к двадцатилетию автора на деньги, собранные читателями, при финансовой поддержке музыканта, лидера группы «Сурганова и Оркестр» Светланы Яковлевны Сургановой.

Содержание

Предисловие	4
Вера	8
Харакири	10
Чучело	12
«Здравствуй, контур тебя. Вечнополый контур, который...»	15
Человек-сталь	17
В больнице	19
Роман с кармой	21
Журналистка	24
Деду	27
Актёр	28
«Бойся не той, что в муках, не той, что в бою...»	30
Клён	31
«мы не в масть друг другу ни мало-мальски...»	33
Теплица	34
Третий	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Мамочева

Виршалаим

Предисловие

Книга посвящается моим родителям, благодаря которым я вот уже 20 лет как копчу небо, и моим друзьям, чьими усилиями сквозь эту копоть мне видны звёзды.

Книга издана при финансовой поддержке музыканта, поэта и композитора Светланы Яковлевны Сургановой, а также

Елены Брюхановой

Константина Сизова

Дениса Гаврилина

Сергея Федченко

Василисы Дмитриевой

Вероники Солдатовой

Евгения Коваля

Романа Капаева

Павла Поварова

Алексея Скиженка

Станислава Лаука.

Моё пятое детище сердечно благодарит каждого из этих замечательных людей за право появиться на свет, а я к нему присоединяюсь.

Ю. Мамочева

Мамочева совершенно невыносима.

Как почти все участники проекта Юрия Вяземского «Умники и умницы», она вундеркинд. Как почти все вундеркинды, она измучена противоречием между собственным умственным и физическим развитием. Она озабочена непрерывным самоутверждением и создает информационные поводы на каждом шагу. Даже когда ей кто-то дает денег на издание книжки (в данном случае это Светлана Сурганова), она добивается публикации информационной заметки на эту тему. Еще и книги никакой нет, а заметка уже есть.

Если вы обратили на Мамочеву благосклонное внимание, она не отстанет от вас никогда. Возможно, она хочет славы. Мамочева хочет много печататься и выступать, а пишет она гораздо больше, чем нужно. Очень часто тема не успевает вылежаться. Мамочева пишет по любому культурологическому или даже календарному поводу. Недостаток жизненного опыта она компенсирует избытком поэтических средств: все у нее на пределе, в осколках, в рваных ранах и т. д. При этом ее лирическая героиня довольно часто любит себя. Она довольно щедро заимствует приемы – у Маяковского, у Бродского, у современников и в особенности современниц, которые все теперь неотличимы друг от друга: у всех тот же эмоциональный перехлест вместо живой и лично прожитой конкретики, тот же надрыв и та же кокетливая самоирония. Из стихотворений, вошедших в эту книжку, я отобрал бы пять, много – шесть; но Мамочева печатает всё,

что написала, и презирает отбор. Ей кажется, что если она в раз в год (а лучше бы два) не выпустит книгу и не выложит в Фейсбук по крайней мере одно стихотворение в неделю, ее забудут или не узнают и так она и сгинет в неизвестности. Я не знаю, даже не догадываюсь, какой именно комплекс она избывает такой гиперактивностью, но догадываюсь, что комплекс очень большой. Я мог бы сказать, что узнаю в ней себя, но я, во-первых, никогда не был столь явным вундеркиндом, а во-вторых, старался себя как-то дозировать. Чтобы я написал это предисловие, Мамочева отлавливала меня в МГИМО раз шесть плюс иногда еще звонила по телефону. Она упирала на то, что предисловия требует издатель. И все мои аргументы насчет того, что этого издателя я знаю двадцать пять лет и как-нибудь с ним сам договорюсь, на нее не действовали.

Короче, Мамочева – это ужас, летящий на крыльях ночи.

Терпеть все это можно только за то, что она действительно умный человек и талантливый поэт, который со временем выпишется в замечательного; за то, что ей небезразличны люди и потому в ее стихах есть живые, а не вычитанные или выдуманнные герои; за то, что она знает современность и чувствует ее приметы; за то, что помимо самолюбования в ее стихах порой чувствуется настоящая самоненависть; и наконец, за то, что ей с собой гораздо труднее, чем всем нам – с ней.

Теперь бы ей еще мужа хорошего и детей пяток, чтобы

время для стихописания не отмеривалось щедрой мерой, а выкраивалось и чтобы ее страстная жажда кого-нибудь любить и спасти нашла наконец достойный и гармоничный выход.

Дмитрий Быков

Вера

Парень прирос к постели.
В дрожащем теле
Стонет, горя, душа, как еврей в печи
Мамино «Ты меня видишь?»
Парню – идиш:
Губы его горячи, в глазах – кумачи.

Парень кашляет так, что качаются стены
Против системы;
В шапке потных волос он похож на гриб.
Мама, свернувши шею четвёртой микстуре,
Ёрзает на поросшем иголками стуле.
Мама взяла отгул: у Серёжи – грипп.

Сыну звонят то с работы, то из универа.
«Мам, это Вера!.. Mam, это точно Вера!» —
Вскакивает, чуть успев слышать звонок.
Мама Серёжин чай проливает на брюки,
Трубку хватает, кладёт и, ломая руки,
Шепчет, как будто старея: «Почти, сынок»,

Шепчет – как исполняет смертельный номер.
Парень, выслушав, чует, что снова помер:
Чувствует – всякий раз, всякий чёртов раз.

Валится в мякоть подушки гудящим затылком,
Любуется стыком
Пары стен, принимающих алый окрас.

Вдруг... еле слышный стук в плоть входной-то двéри.
Мама из комнаты: открывать Вере! —
Знает Серёжа, простясь с преснотой простуд.

Вот нарастающий топот любимых пяток.
Парню до ужаса больно промеж лопаток —
Лишь оттого, что крылья – растут, растут...

Харакири

Жизнь я люблю! Солёной любовью пьяна,
Ноет свобода, в узких разросшись рёбрах:
Ноет, как небо, что брюхом рухнуло на
Частокол оскаленных небоскрёбов.

Да, я на пике. И, не желая в пикé,
В пику покою – пикируюсь с пиковой дамою,
С этой, косою. Сердце – камень: при ней – коса.
Жизнь! Мы с тобою друг в друге, как в кипятке.
О, покуда люблю тебя, небом данную,
Даме не дам кромсать мои небеса!..

Даме в ладони твой пёстрый не выблюю суп:
Сердце косе её – камушек... философский.
Даром что я сосуд, из какого сосут
Годы тебя, к орущей прильнув соске.

Гролом гормонов во мне играет гармонь:
Горное горе гармонии хлещет горлом.
Жизнь я люблю!.. В ней, в горниле, сама – герой:
Вышусь – коварно выкованным глаголом.

С каменным сердцем с виду я – Дева-сталь.

Только однажды пониже возьмёт косою —
Дама в косынке чёрной, сама секире
Страшно подобна. Глядь: мир мой червонной солью
Из живота разверстого захлестал —

Как если б небо сделало харакири —
Кровь заката с примесью птичьих стай.

Чучело

Тот, с кем пройдена жадно, пройдена – порознь
Минимум половина заплечных лет,
Внезапно найден, словно бабушкин перстень.
И – костенеешь в предмониторной позе,
А в голове страннейшую из кинолент
Крутит память полузабытой песней.

Вот ты пред... чёрт с ними! Бисером мечешь про космос
Да про каких-то (мир праху которых!) Медичи;
С виду – невозмутима, как скандинав.
Только зачем-то в сердцах обрезаешь косу,
Дюжину круглых, двенадцать двенадцатимесячных
Чуть разменяв.

Вот ты уже восьмиклассница. Хмурым йети
Полуизгойно торчишь из последней парты.
Коль не к доске – то Цой до ста децибел.
А от звонка до звонка – гремишь в туалете
Школьном стихами, как разве что психопаты;
Плачешь в жилетку... которая – на тебе.

Эх, от звонка до звонка, силпый супермен:
Эх, не на этом фронте – без перемен.

Вроде бы хочешь – как все, да выходит – боком.
Вот, погляди-ка: ты снова болтаешь с Богом,
К счастью, по этой части всё – безлимит.
Видишь, тебе пятнадцать. И губы сини.
Ты за глаза – «королева анорексии»,
«Та, кого и могила не вразумит».

Патлы на палке тела – бурое знамя.
Ты уже куришь, но мама в лицо не знает
Этих твоих закадычных-то «данхил-блю».
Мама гордится: у Юли дневник – в пятёрках.
Помнишь ли алость чернильных кровоподтёков?
Помнишь: школьное диско, а ты, в углу

Сидя, терзаешь рукав на лохматые нитки?..
Вот тебе скоро семнадцать: ты – автор книги
Детских таких, обжигающих дёсны, стишков.
Ими плюёшь ты со сцены – так получилось.
Первый сборник – о, воплощённая чинность!
Каждая буква – незримо кровящийся шов.

Первый сборник... Следом второй et cetera.
Ты, как лимон, вытекаешь из толстой цедры,
Горькой цедры, защитной своей кожуры.
Третья осень встречена на свободе;
Детка, тебе девятнадцать и ты – в субботу.

Полночь оттенка рождественской мишуры.
Эх, на свободе. Ты вызволена из рабства.

Боже!.. К чему это «здравствуй», пустое «здравствуй»
Мне, что срок отмотала и – вон из игры?..

«Здравствуй, контур тебя. Вечнополый контур, который...»

Здравствуй, контур тебя. Вечнополый контур, который
Прежде цвёл изнутри – глупоглазой, как дети, мне.
Сброшен лиственно, пёстро наследным принцем
конторы
Ворох милых лохмотьев. Не мой ты, и этим – нем.

Мы с тобой (кисло-властным в лести и раболепстве) —
Двое тех, что внезапно навеки бессильны вдвоём.
Я молчу: всё смешалось в детском моём королевстве;
Ты молчишь – самой сутью, что прежде звенела в твоём,

Что звенела сиятельным гимном святых колоколен,
Враз под корень срубленных на потеху людью...
Ты, гляжу, – на коне. Нам обоим пора по кóням,
Чтобы – в разные стороны, чтобы – adieu, adieu;

Чтобы ты – туда, где однажды тебя коронуют,
Где воссядешь на трон, деловито и скучно сопя.
Эх, в седло бы!.. Улыбка натянута, словно леска.

Нет коня мне. Пехотою ухожу в королевство,
Где под хохот Судьбы сжёт ты душу, тебе родную, —
Ухожу в себя.

Человек-сталь

Если
имя тебе —
«человек-сталь»,
То не стони, когда ковать тебя станут;
В грязь упавши ничком, из неё восстань:
Звёзды Вселенная в очи твои оставит.

Кости расплавит в лаву лиловый пыл,
В зеркало вечности
боль закалит
душу —
Тот не сыщет неосилимой тропы,
Кто в присутствии Бога назвался идущим.

Не затупись языком, что струнно-остёр
Волею правды, какая – исток искусства...

Коль покорённой вершиною будет костёр —
Светом гори: для него ты ноженьки стёр;
В звёзды рассыпья, нащупав ладонь Иисуса.

Вот и идёшь – славой осоловело-лилов,
В гуле ветров созерцая истоки мантр.

Если ты Богом
однажды нарёк
Любовь —
Не оступись,
увидев
её
стигматы.

В больнице

По коридору, меж коек, ты – как по лезвию:
В уши гудит Высоцкий, а в ноздри – спирт.
Тесный проход не короче историй болезни
Тех, кто здесь либо охает, либо спит.
Вот шагаешь, мучительно бесполезен,
И не слабее, чем этот сюжет, избит:

Глаз фонарём синеет с последней пьянки.
Ты зовёшь, познавая больницу с изнанки,
Её про себя не иначе как «скотный скит».

С силой в тебя – усталая, словно Сирия,
Медсестра – растрёпанная, некрасивая,
Тушь спросонно размазывая по рукаву.

Снова серая дверь и палата сирая,
Семеро: с виду – по лавкам, едва на плаву.
Ты выключаешь плеер. Высоцкий смолк.

– Здравствуй, дед, – со скрипом садишься на койку.
– Колька!.. Эх, не видал-то давненько Кольку!..
– Дед, со вчерашнего, – сглатываешь комок.

Ласково смотрит. Не в оба. Он лыс, как вобла.

Ты достаёшь апельсины, беззвучно воя:
Кажется, дед заметил, что ты взмок.

– Осень, Колька!.. Славно нынче на Невском.
Тут-то и побалакать-то, Колька, не с кем... —
Морщишься, словно от колик, ты, чушь неся.

Это окно гордо-вольное – сущий вымпел.
– Колька... А помнишь... раньше? Давай-ка выпьем!..
– Дед, – отвечаешь, – не стоит: тебе нельзя.

...Вновь – коридор. Сколько ж сельдей в проклятой
банке!..

Час отсидевши, ты вышел с колечком бабки;
В ноздри – спирт, в голове – «как помру – продай!..»

Вновь – переулок. Вновь – из горла, хоть ты тресни:
Чтобы – до мути и к Машке, опять нетрезвым.

Ни надежды, ни совести, ни стыда.

Роман с кармой

1

Когда помешался Рома на героине,
какая дала бы... фору своей омоформе, —
стало герою горячему тесно в Романе.

В дверь камеры сердца, зовущейся закромами,
герой изнутри барабанить принялся – и не
в силах унять аритмию сию, на фарфоре

семейном Рома нелепую злобу выместил,
буфет лишив той самой пыльной невинности,
что заключалась в квартете прабабкиных чашек.

Рома буянил – герой в нём стучал всё чаще:
эхом в затылке Ромином грохот подскоков
горе-героя клубился. Сервиз раскокав,
Рома (пьяный до чуши, усталый дичайше)
рухнул пластом на колючий песок осколков —

ждать героиню, как-то по-детски робея;
как электричку в мороз, как гора Магомеда,
жадно ждать Катерину из Первого Меда.

Тесно герою было в Романе, тесно:
в рёбрах Романа неистовствовал Ромео,
надрывался Цой, светозáрил Тесла.

Бог милосерден: вовеки не быть в прокате
той картине, какую увидела Катя,
поездом тёплым придя – спасительно. В гости.

Дверь – нараспашку.

«Ромочка, ты там живой ещё?..»

Зала фарфорово скалится местом побоища.

Рома – на месте: глазами ангорского кролика
(то есть по сути – отъявленного наркомана).

Под ноги сплюнув про «я-влюблена-в-Костю»,

Катя сбежала. Виною тому – герой, который вмешался в
завязку её Романа.

2

Когда у Ромы внезапно закончился ром,
Рома был рад – много крепче, нежели зол:
Он, на ковёр улёгшись кверху нутром,
Нынче впервые на противоположный пол

(Что – потолок) глядел без дрожи в желудке,

Брагою зелья надутом в магический шар.
Бодро – бёдрами шлюхи, бортами шлюпки —
Стены качались. Рома едва дышал.

Чудилось Роме, что он несётся на судне,
Давшем – не хлеб днесь насущный, а горький крен.
Рома боялся: вот-вот звездолобую сунет
Башню – в петлю окна негодующий Кремль

И загудит, колокольной слюною брызжа,
Дескать, куда ты прёшь-то, глаза разуй!..
Рома лежал на ковре, как на палубе рыжей,
В свой потолок уставившись, как в лазурь.

Выпил он полные бурою бурей чарки —
То есть стаканы – в количестве трёх единиц.
Вот почему кружили над ним чайки,
Вылупившись из горящих в люстре яиц.

Журналистка

На Надю напали. Знает злодея она
В лицо и даже по имени – это сплин.
Жертва три дня пьяна, ей почти хана:
На поникших ветвях волос отцветает хна,
Рот, разверзаясь дуплом, и поёт – как лает.
Надя вся в деда – жжёт в сорок пятом Парламент:
Но – доме,
а не году;
не Рейхстаг, а «Slim».
Пир: паровозом дымит; в паре ваз – окурки,
Съедена яблоч пёстрая конопать.
Надя на кухне – в тоске и дурацкой куртке,
В нетопленном доме под номером 45.

Чтобы согреться, держит ладони над
Синью кувшинок, цветущих из глади плиты.
В нынешней Надя системе координат
Всеми забыта, то есть мертва, как латынь.

Стынет она, в незамужнюю мышь замшёв
И порядком, конечно, пообветшав.
Дзынь!.. «Всяк оставь Надежду входящий... вызов».
Дзынь!.. «Ё-моё. Алло?» – Надин голос высох,
Словно... Но речь не об этом. Звонит шеф

И – поди, матом – сварливо, как падишах:

– Где тебя носит?! Редакция на ушах:

Номер-то два часа как должен – в печать!

– Павел Сергеич!..

– Молчать!

И опять:

– Молчать!..

Текст чтобы выслала через пятнадцать минут!

Пряник – съедобно-конечен. А вечен – кнут.

Падает Надя за стол, к монитору – ползком;

Искры последний пускает в глаза песком.

Надины руки похожи на птичьи лапы:

Обе – на клавиатуре, хозяйка – на нервах.

Будит она артель изгольбных негров,

После включает солнце настольной лампы,

Поняли б, дескать: оно ещё высоко.

Рать – за работу. Под гул, доносящийся с улицы,

Наденька рать подгоняет, вслух матеря.

Речь не об этом: в срок перед ней красуется

Вытыканый, свежевытканый материал.

Шеф перезванивает, восхищаясь умницей:

Эдак бы сразу, мол. Сразу – да без нытья.

Наденька слушает речи, как воды вешние:

Слушает о повышении, как о повешении.

А в голове снова спят чернокожем тел

Сплётшиеся кучно, чтобы – тепло,

Мысли – неразличимые в темноте.

Надя зевает: дуб разевает дупло.

Деду

Вечер. Дед присел на постель, гладит моё плечо.
Я – на боку, и обоим глазам сказку свою рябят.
Нынче вещаю (нет новостей!) пусто и ни о чём:
Слушает дед про чьего-то пса и про каких-то ребят.

Он, по обыкновению, тих: молча сидит со мной,
Но спине от него тепло и плечу моему.
– Дед, не веришь: тот странный тип – Катькин-то брат
родной!..

Дед, я устала писать диплом! Как там?.. «Горе уму»!..

Он, как всегда, не спешит ничуть: ждёт, пока не усну —
От бесконечно мирского шоу не оторвусь, словно тромб.
Рябь темнеет; я бормочу:

– Как встречают весну
Там,
куда ты ушёл
в девяносто втором?..

Актёр

Горячий, как сердце, огромное боем неровным,
И бурый лицом, как гранитно-рябой обелиск,
Увидел он, выйдя на бис из тяжёлых кулис,
Не тысячи ртов, искривлённых утробным рёвом,

Не тысячи рук, пьяным лесом росших в него —
В него, а не в небо – из темени зала тесного...
Увидел другое – и понял, что был – немой,
Глухой, словно та скорлупа, что внезапно треснула.

Вот парень-ровесник, какому дорос до плеча,
Вот сам – семилетний и жалкий, в пальтишке куцем;
Солёная боль надтреснутого: «Получай!..» —
Шальным гонораром за гонор, который – искусство.

Вот запах отца, густой, как гречишный мёд,
Как строгие брови его же и ранняя проседь,
Как голос, что жаром – в глаза: «Ну-ка, сына, вперёд!
Чем, сына, держать-то трудней, тем позорнее бросить!..»

Он вышел на бис и увидел тот тяжкий бас
И маминых бус бирюзу, голубой улыбкою
На первом ряду. Вспомнил майку – душную, липкую,
В которой однажды вырвался в первый раз

На сцену... Теперь он вышел на бис и в зал
Мальчишкой глядел – звонкоглазым да седоусым.
Ему было семьдесят. Как отец бы сказал,
«Что бросить не сдюжил, то и зовётся – искусством».

«Бойся не той, что в муках, не той, что в бою...»

Бойся не той, что в муках, не той, что в бою,
И не шальной, напророченной – в двадцать семь:
В славную вечность я выращу суть твою:
Брагу спасу, а сосуда не жаль совсем.

Вдребезги – тело? Сжавшись в единый нерв,
Брызги тебя – с колючих слижу осколков,
Чтобы выкричать дух твой, им опьянев,
В небо, которое слышало – скольких, скольких?..

Нет, даже – в очи Божьи, они синей! —
Чтобы – ливень на землю сквозь небо осеннее...

В памяти бойся погибнуть моей, только в ней.
Бойся – той, что без права на воскресение.

Клён

Клён, возведённый в квадрат окна, линяет,
Пёстрою гривой залысиваясь втихомолку.
Скоро ночь изначальностью уравниет
С лучшей залою – злую твою каморку.

Хлынет тьма в комнатушку чернильной жижей,
Этим в убогий куб её возводясь,
Скоро не станет берлоги закатно-рыжей —
Так что покажется: не было отродясь.

Мраком глухим захлебнётся постылая рухлядь:
Стол да кровать; захлебнёшься и ты, дружок.
Бездну вместивши, стены не смогут не рухнуть,
Ибо ничто пределов не сбережёт.

Вырастут вокруг бескрайние чёрные степи,
Слитые с чёрным небом в единый сплав.
И пространство постигнет энную степень
(Ту, что в-почёте-почивших уравнивать с теми,
С теми умеет, чьи головы – громно – с плах) —

Но отторгает её пробуждения ради,
Стбит рассвету взьерошиться шкурой лисьей...
В кубе найдясь, ты увидишь в оконном квадрате

Клён – да не столько заспанный, сколько – лысый.

«МЫ НЕ В МАСТЬ ДРУГ ДРУГУ НИ МАЛО-МАЛЬСКИ...»

мы не в масть друг другу ни мало-мальски:
не переносишь на дух, не веришь на слово;
дескать, за то, что в москве я живу – как в маске,
консервируюсь заживо, «она-нас»-ово.

пусть же тебе в твоей поверится вырице —
как во второе пришествие, как в «на часах – шесть»,
в то, что невозможно не законсервироваться,
если вокруг – жесь.

Теплица

У меня на плечах – теплица, в которой – стук;
Все, кому ни скажу, – хохотать, будто байками потчую.
Только я-то знаю: в моей голове растут
Сорняки – на неровной почве, на нервной почве...

И в гранитное темя бьются ретивой Невой,
Многолистно твердыню зеленью волн лаская,
А порой пробиваются, как сквозь асфальт, сквозь него
Чуть заметными изумрудными волосками.

Зацветут сорняки – наступает весна в голове
Много раньше, как правило, чем за её пределом;
Надувается солнечным звоном теплица – в терем,
Надувается – в город, выросший на Неве.

Третий

А. И. М. посвящается

Когда Иисуса хлытали, Отец молчал:
Молчал – да всем миром во всяком сыновнем волосе
Так, что казалось хохочущим палачам,
Будто бичами свистеть и не страшно вовсе.

Эх, насосалась крови песчаная стынь!..
Эх, распахнули Сына над нею израненным!..
И несчислимой жутью взошли кресты
Вместо звёзд в безмолвном небе Израилевом,

И, взойдя, в нём горели две тысячи лет —
Так что глядеть было вязко меж рёбер и липко —
Словно на мёртвую птицу, растоптанный хлеб
Или на поруганье святого лика.

А потом случилась осенняя ночь.
В ней – электричка; она – в Ленинградской области.
В тамбуре – парень: бутылка, хохот и нож;
Женщина: вопль во всяком дрожащий волосе.

В тамбур – третий, который: «Ну что ж ты затеял!
Слушай, оставь её! Слушай, давай по-мужски?»

Зелень стекла – о темя, и сразу – темень;

Сразу – молчанье: молчанье, в каком – ни зги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.